

ЭО, 2010 г., № 2

© О.Ю. Титова

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ГРУПП РУССКИХ В ВОРОНЕЖСКОМ КРАЕ

Ключевые слова: историческая этнография, южнорусское население, Воронежская губерния, группы русских, локальная специфика, этнокультурные особенности

Расселение русских на обширной территории и этнические процессы обусловили формирование отдельных групп народа, каждая из которых имела свои специфические особенности в языке (говоре) и традиционной культуре. Не является исключением и население Воронежского края, в составе которого наиболее многочисленными группами русских, обладающими определенными культурно-бытовыми особенностями (вплоть до начала XX в.), были группы *однодворцев* и *цуканов*.

В первые десятилетия XX столетия в Воронежском крае начались необратимые процессы смешения различных групп, унификации культурных традиций, нивелировки говоров. В настоящее время среди воронежского населения не выделяются однодворцы и цуканы, но несмотря на это, жители некоторых сел сохранили в памяти прозвищные наименования предков и даже элементы традиционной культуры (ПМА: информанты – *Бережнова и др.*).

Поскольку сейчас у многих групп и сообществ в составе русского народа активизировалось самосознание, стремление изучить свое происхождение и культурные традиции предков, нам представляется, что следует уделить особое внимание вопросам этнической истории.

В данной статье нами рассмотрена этнокультурная история воронежского населения (а именно формирование групп однодворцев и цуканов), поскольку эта проблема остается актуальной и ныне. Для понимания современной тенденции этнокультурного развития, локального самосознания, попыток возрождения традиционной культуры (песенное творчество и пр.) необходимо проследить предысторию этих процессов – формирование населения, локальные особенности культуры.

Мы выскажем свою точку зрения относительно особенностей групп в Воронежском крае, каковыми являлись однодворцы и цуканы. *Однодворцы* – сословная по происхождению группа южнорусского населения, состоявшая из потомков военно-служилых людей, поселенных в XVI–XVII вв. на южной окраине Московского государства для охраны его степных границ. Несмотря на то что однодворцы были сословной, а не этнической группой населения, “особые социально-экономические условия жизни наложили определенный отпечаток на многие стороны их бытового уклада” (*Чижикова* 1998: 35). По мнению Д.К. Зеленина, “единое дворянское происхождение если не всех, то большей части бывших однодворцев, одинаковые условия их жизни в степи, на окраине государства, однородная военно-полевая служба с частыми кочеваниями и с постепенным передвижением все дальше и дальше в глубь степи – все это привело к тому, что сословие постепенно выродилось в этнографический тип” (*Зеленин* 1907: 4).

Ольга Юрьевна Титова – старший лаборант лаборатории “Этнография центрально-черноземных областей России” Воронежского государственного университета, соискатель кафедры истории средних веков и зарубежных славянских народов исторического факультета ВГУ; e-mail: shellys222@yahoo.com

В составе однодворческого населения Воронежского края выделялись еще более мелкие локальные группы, имеющие прозвищные наименования: *талагаи* (*щекуны*), *ионки* (*ягуны*). *Цуканы* – группа в составе южнорусского населения, также имевшая сословное происхождение (относились к разрядам помещичьих и экономических крестьян). По мнению исследователей, представители данной группы появились в Воронежском крае во второй половине XVIII в. и компактно поселились в бассейне р. Хворостань.

В ходе адаптации в новых землях указанные группы приобрели отличительные диалектные и этнографические признаки, в связи с чем в дальнейшем получили особые прозвищные наименования – самоназвания, даваемые им соседями.

История формирования. Предками однодворцев, как уже говорилось, являлось военно-служилое население, постепенно заселявшее воронежские земли с XVI в. Золотоордынское нашествие в XIII столетии опустошило значительную часть Русской земли и особенно территорию центрально-черноземной зоны. В XIII–XV вв. в исторических источниках эти земли назывались *Подем*, *Диким Подем*, *Степью*, так как в это время здесь наблюдалось полное запустение. Е.А. Болховитинов приводит сведения митрополита Пимена, посетившего эти места в 1389 г.: “Бысть же сие путное шествие печально и унынливо... не быше во видети тамо ни града, ни села” (*Болховитинов* 1800: 10). В таком же состоянии местность оставалась и спустя столетие: венецианский посол Контарини в 1476 г. со страхом пробирался из Персии в Москву через донские степи, поскольку тут “не было ничего, кроме неба и земли” (*Второв* 1861: 248).

В 1480 г. Русское государство освободилось от ордынского господства, однако набег крымских татар и ногайских орд продолжались и в XVI–XVII вв. Для укрепления южных границ правительство построило здесь города-крепости (*Загоровский* 1991: 154). Особое значение имело основание в 1586 г. города Воронежа: с этого времени мы можем говорить о начале прочного заселения Воронежского края.

Изначально военно-служилое население, заселявшее воронежские земли, делилось на два разряда: служилые люди “по отечеству” (высший разряд, состоящий из детей боярских) и служилые люди “по прибору” (низший разряд – стрельцы, пушкари и др.). Оба разряда были наследственными, но низший не имел такой замкнутости от остальных, как высший, ибо постоянно пополнялся за счет притока новых сил из различных сословий. Приборные служилые люди, в отличие от дворян и детей боярских, не владели вотчинами и поместьями. Они получали от государства небольшие земельные участки (*Зеленин* 1913: 31–41). У детей боярских высшего разряда сохранилось особое “четвертное” землевладение (от слова “четверть” – земельная мера) как наследие прежнего поместного владения землей (*Чижикова* 1988: 18). Поскольку крестьян в этой местности не было, следовательно, такой помещик без крестьян естественным образом превращался из землевладельца в земледельца и “слыл однодворцем”, так как у него не было даже пустых крестьянских дворов (*Зеленин* 1913: 40). Причем это касалось служилых людей обоих разрядов, в результате чего со временем они слились в один слой однодворческого населения. В культуре однодворцев Д.К. Зеленин выделял два основных влияния: старое степное, привнесенное потомками служилых людей “по прибору”, и московское (главным образом дворянское), исходящее от потомков служилых людей “по отечеству” (Там же: 49).

По мнению того же исследователя, старое степное влияние явно прослеживалось в культуре *талагаев* (в частности, сохранение вплоть до начала XX в. старого крестьянского женского костюма, основные элементы которого – *поневы* и *рогатые кички*), предками которых в большинстве своем были “приборные” военно-служилые люди (Там же: 97).

Что касается служилых людей “по отечеству”, то их на территории Воронежского края оказалось не так много, но они, тем не менее, привнесли московское дворянское влияние. Особенно это стало заметно в характере однодворцев. Независимо от проис-

хождения, они, по сути, были единым военно-служилым сословием, и даже для потомков “приборных” людей был характерен дворянский гонор.

Известно, что более старыми по времени заселения были северные районы Воронежской губ. в пределах будущих уездов Воронежского, Задонского, Землянского (а также частично Бирюченского и Коротоякского). Эти районы заселялись представителями военно-служилого сословия из более северных (ближайших к Воронежскому краю) сел и городов: Шацка, Ряжска, Данкова, Ельца, Новосили, Епифани, Старого Оскола (*Чижикова* 1988: 20). Одноворцы, населившие Коротоякский у. (расположенный несколько южнее), выходили преимущественно из городов и сел тульских (Ефремова, Епифани), орловских (Ельца), рязанских (Данкова), тамбовских (Лебеядни, Черновы, Талеца), курских (Старого и Нового Оскола) и др. (*Болховитинов* 1800: 127).

Нижедевицкий у. заселялся в конце XVII–XVIII столетий. Основную его территорию заняли служилые люди из Тамбовской и Рязанской губерний (*Зеленин* 1913: 97). Западную же часть Нижедевицкого у. населили служилые люди из ближайших уездов Воронежской, Курской, Орловской губерний, а также из более отдаленных губерний – Черниговской, Московской (Там же: 20).

Что касается цуканов, то по своему происхождению можно выделить три их сословные категории: 1) бывшие монастырские крестьяне, освобожденные в 1764 г. после секуляризации монастырского и церковного имущества; 2) бывшие помещичьи крестьяне, переведенные в степь своими помещиками из разных российских губерний; 3) вольные “сходцы” в степь (*Второв* 1861: 251; *Зеленин* 1913: 69). На Воронежской земле проживали в основном представители первой категории – бывшие монастырские крестьяне (правда, здесь они появились уже после того, как были переданы в ведение Коллегии экономии во второй половине XVIII в. и стали называться экономическими), а также второй категории, но в меньшей степени.

Исследователи XIX – начала XX в. придерживались мнения, что цуканы переселились в Воронежский край не ранее 60-х годов XVIII в. (*Зеленин* 1913: 69; *ВОКМ. Инв. № 4325: 64*). Данная точка зрения подкреплялась тем, что у цуканов “сохранились в памяти рассказы их дедов о том, из каких мест они вышли”, “а сами названия многих селений, в которых живут цуканы, ясно указывают на места их первоначального жительства” (*ВОКМ. Инв. № 4325: 64*).

В 50-е годы XX в. это утверждение было поставлено под сомнение. Так, Н.И. Лебедева, проводившая этнографические исследования в южнорусском регионе, пришла к выводу, что “четкое выделение в культуре цуканов южнорусских особенностей, более древних, чем у одноворцев, дает возможность предположить, что цуканы – группа населения значительно более древняя, чем одноворцкая” (*Лебедева* 1960: 264). По мнению автора, данная группа сохранилась в глухих местах южнорусского региона еще с домонгольских времен, а позднее – в XVI–XVIII вв. – впитала в себя новые переселенческие волны из центральных уездов России (Там же). Нужно сказать, что в настоящее время исследователи, занимающиеся этой проблемой, также отмечают, что история формирования группы цуканов имеет глубокие корни (*Дынин* 1998: 185–192).

Огромнейший интерес для нашей темы представляет тот факт, что восточная (преимущественно) часть Коротоякского у. “своим первоначальным заселением обязана монастырям – Троицкому Боршевскому, Троицкому Лысогорскому, Покровскому” (*Поликарпов* 1899: 14). Причем монастыри на этой территории появились задолго до основания здесь городов Коротояк (1647) и Урыв (1648), вошедших в состав Белгородской засечной черты. Так, Л. Вейнберг отмечал, что к моменту основания городов тут уже существовало несколько монастырей с вотчинами. По мнению исследователя, “Боршевский монастырь, на месте коего стоит теперь село Боршево”, был поставлен в 1613 или 1614 г. (*Вейнберг* 1891: 15). А в 1625 г. местность по р. Хворостань (Коротоякский у.) была пожалована царем Михаилом Федоровичем Девичьему монастырю,

который основал здесь вскоре с. Избыльное (Старая Хворостань), быстро населившееся крестьянами. Еще южнее Хворостани, вниз по Дону, был поставлен (неизвестно когда, но гораздо раньше 1662 г.) Троицкий Лысогорский монастырь, близ которого вскоре образовалось с. Селявное (*Поликарпов* 1899: 14–15).

После появления тут военно-служилого населения (предков однодворцев) между ними и монастырскими крестьянами началась борьба за землю, в результате которой многие монастырские крестьяне были изгнаны с мест прежних поселений. Так, с. Старая Хворостань (первоначально – Избыльное), основанное монастырскими крестьянами, было “огнем без остатка выжжено” и заселено военно-служилыми людьми, предками талагаев (Там же: 18–20). (В дальнейшем раздел земли все-таки произошел и монастырские крестьяне, как мы знаем, стали жить в селах, расположенных по верхнему течению р. Хворостани, в низовьях же этой реки расположились талагайские селения.)

Д.К. Зеленин не оставил без внимания тот факт, что в Коротоякском у. Воронежской губ. монастырская колонизация предшествовала военно-служилой. Но автор считал это исключением из правил, так как ситуация являлась не типичной не только для Воронежской губ., но и для всего южнорусского региона (*Зеленин* 1913: 80–81).

По нашему мнению, свидетельства Л. Вейнберга и Н. Поликарпова могут служить основой для вывода, что предки воронежских цуканов (обитатели Троицкого, Боршевского, Троицкого Лысогорского, Покровского монастырей) являлись прямыми потомками славян – *боршевцев*.

География расселения. Об обилии однодворцев в Воронежском крае существовала даже народная шутка: “Собрал черт всех однодворцев в решето и понес: гром грянул, он и выворотил их над Воронежем” (*Поликарпов* 1929: 12). Официальные данные подтверждают, что шутки по этому поводу были весьма уместны. Так, по пятой ревизии населения (1794–1795 гг.) в Нижнедевицком у. однодворцев насчитывалось около 50 тыс. душ, в Павловском – почти 26 тыс.; в больших количествах однодворческое население проживало в Воронежском, Коротоякском, Землянском, Задонском, Бирюченском, Бобровском, Валуйском уездах Воронежской губ. (*Зеленин* 1913: 75).

Группа однодворцев, имевшая прозвищное наименование *талагаи*, проживала с XVII в. в низовьях р. Хворостани в селах Старая Хворостань, Машкино, Бодеевка, Аношкино, Сторожевое, Голышевка и Селявное Коротоякского у. (*Путинцев* 1906: 94), а также в селах Новая Ольшанка, Верхнее и Нижнее Турово, Вязноватовка Нижнедевицкого у. Воронежской губ. (*Винников и др.* 2004: 89). Данные полевых исследований Учебно-научной лаборатории ВГУ “Этнография Центрально-Черноземных областей России” (лето 1999 г.), а также материалы наших собственных исследований (июль 2008 г.) говорят о том, что жителей с. Коломенское Каширского р-на Воронежской обл. соседи до сих пор называют *талагаями* и *талагушками* (АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ 5: *Фетисова*; ПМА: *Бережнова*).

Так называемые *щекуны* чаще всего приравнивались к *талагаям*; местами их проживания являлись Коротоякский и Нижнедевицкий уезды (села Истобное, Новосолдатское, Остренькое, Роговатое, Семидесятое, Синие Липяги, Турово) (*Поликарпов* 1913: 7). Западную часть Нижнедевицкого у. Воронежской губ. (села Кочугур, Ясенки, Богородицкое, Роговое, Солдатское, Кисочи, Горшечное) населяли однодворческие группы *ионок* (*язунов*) (*Поликарпов* 1906: 3).

Ареал расселения *цуканов* в Воронежском крае охватывает преимущественно бассейн р. Хворостани: в пределах Воронежского (села Московское, Можайское, Коломенское, Каширское, Новоклинское, Верейское, Мосальское, Дорогобужское, Одоевское, Мещевское) и Коротоякского (Копанице, Тресоруково, Марьино, Почепское, Рождественно, Олень-Колодезь, Дракино, Давыдовка, Солонцы, Борщево) уездов (*Путинцев* 1906: 94; *Дынин* 1998: 186). К “цуканским” относились также отдельные селения в Нижнедевицком (Березово, Одинцовка, Змеевка), Землянском (Каверино/Таволжа-

нец, Ивановка, Коровкины), Валуйском (Белый Колодезь), Новохоперском (Каменка/Садовка) уездах. В этих селах проживали помещичьи крестьяне (*Второв* 1861: 251; *Винников и др.* 2004: 88). В настоящее время цуканами именуют себя жители сел Новосильское, Ивановка, Долгомоховка Семилукского р-на Воронежской обл. (*Винников и др.* 2004: 88).

Этимология самоназваний групп. Термин *однодворец* встречался еще в актах XVII в. и означал помещика, у которого не было даже пустых крестьянских дворов (*Зеленин* 1913: 41). В словаре В.И. Даля читаем: “Однодворцы – поселяне, считающие себя дворянского рода, отчасти владеющие людьми, из дворянских детей и служилых” (*Даль* 1881: 653). Такой помещик, даже обедневший, считал себя аристократом – дворянином, привилегированным по происхождению.

Н.М. Дружинин определял это сословие так: “однодворцы занимали промежуточное положение между дворянами и крестьянами: они получали от государства земельные участки под титулом служилого поместья, некоторые из них имели у себя одного или нескольких крепостных, но большинство совсем не имело крестьян и жило всегoнавсего одним двором. Отсюда их название – однодворцы” (1946: 30–31).

Широкое распространение по отношению к воронежским однодворцам получило прозвищное наименование *талагай*. Д.К. Зеленин отмечал: “кличка талагай имеет смысл насмешки или даже брани” (1907: 11). Возможно, такое прозвище представители данной группы получили из-за особенностей своего психологического склада и поведенческих стереотипов. Определение слова *талагай* в словаре В.И. Даля всерьез наталкивает на подобные выводы, поскольку оно трактуется как “лентяй, шатун, ту-неядец, большой болван, неуч, невежа” (*Даль* 1882: 388). Причем автор поясняет, что это “бранное название воронежских однодворцев” (Там же). У него находим и другую трактовку слова *талагай* – это мордовская женская верхняя рубаха (Там же). Возможно, именно в связи с такой трактовкой А. Путинцев предполагал, что это прозвище дали однодворцам соседи – цуканы – из-за особенностей их костюма. Талагайские мужики носили рубахи с “полеками” – такими же, как на женских рубахах, что, по наблюдению автора, было присуще и мордовскому мужскому костюму (*Путинцев* 1906: 94). Исследователь допускал возможность того, что изначально цуканы называли талагаем однодворческий костюм, но со временем термин распространился и на самих однодворцев. По другой версии, слово *талагай* могло произойти от “талалакать” – картаво говорить, или “талала” – картавый, дурно говорящий и “гаять” – дурно говорить (Там же).

По мнению Д.К. Зеленина, ни одно из этих объяснений не может быть принято, поскольку “не объясняет нам широкого распространения слова талагай в русском языке” (1907: 12). Единственное, в чем не может быть сомнений, – такое прозвище дали талагаем цуканы, равно как цуканам – талагаи (Там же). Д.К. Зеленин указывает, что в славянских языках нет ни слова *талагай*, ни родственных ему слов, поэтому можно делать вывод о его заимствовании. Автор обращает внимание на киргизское слово *шалагай* (“не исполнительный”), а также на чувашское *юлгав* и черемисское *елагай* (“ленивый”). По своему значению указанные слова из восточных языков соответствуют русскому, и “из-за соответствия характера воронежских однодворцев этому значению, кличка *талагай* так прочно к ним привилась” (Там же: 13–14).

Появление самоназвания *щекуну* исследователи напрямую связывают с особенностями однодворческого говора. В словаре В.И. Даля *щекун*, *щекуха* (воронежское) – тот, кто говорит *що* или *ще* вместо *что* (1882: 653). Н.И. Второв писал: “Бывшие однодворцы в северо-западной половине губернии носят общее название талагаев или щекун, по произношению большей частью из них *що* вместо *что*” (1861: 266). По мнению Д.К. Зеленина, прозвищное наименование *щекуну* – общее для всех воронежских однодворцев; это “кличка, которая имеет в виду чисто лексическую черту говора” (1913: 80). Исключением являлась лишь группа однодворческого населения, прожи-

вавшая в западной части Нижнедевицкого у. Воронежской губ. Речь идет об однодворческой группе *ионок (ягунов)*.

Как мы знаем, западная часть Нижнедевицкого у. заселялась в XVII–XVIII вв. выходцами из Курской, Орловской, Московской и Черниговской губерний. По Д.К. Зеленину, это были “опытные и образованные служилые, по большей части дворяне, переведенные сюда с прежних сторожевых линий и усвоившие городскую культуру” (1913: 97).

Возможно, именно по этой причине ионки (ягуны), хотя и являлись потомками служилых людей, имели некоторые отличия от остального однодворческого населения Воронежского края: по сравнению со щекухами ионки были менее грубыми, а также имели отличия в одежде и говоре (говорили *каго, яго; ён* вместо *он*) (Второв 1886: 296; Поликарпов 1906: 1–3).

По мнению исследователей, общее однодворческое прозвище *щекуны* было для них неприемлемо, и тогда их окрестили новым именем – *ионки*, по их произношению *ён* вместо *он* (Второв 1886: 296; Поликарпов 1906: 3; Зеленин 1913: 97).

Сопоставив места проживания ягунов и ионок, Д.К. Зеленин сделал вывод, что *ягун* – это производное мужского рода от слова *ионка* (1913: 97).

Этимологию самоназвания *цуканы* многие авторы связывают с особенностью говора данной группы – цоканьем: “Цукан (тамбовское, воронежское) – цокальщик, кто говорит *ц* вместо *ч*” (Даль 1882: 575). Существует точка зрения, что такое прозвищное наименование могло образоваться от слов *чукавый* (по В.И. Далю – “догадливый, сметливый”, 1882: 614) или *чукан* (“щеголь” – Там же), но со временем произошла замена слова *чукан* на *цукан*, возможно, по причине их цокающего говора (Путинцев 1906: 94).

Особенности говоров. В трудах исследователей, в той или иной степени интересующихся диалектами населения Воронежского края, неоднократно отмечается своеобразие говора двух однодворческих групп – талагаев (щекунов) и ионок (ягунов), а также группы экономических (бывших монастырских крестьян) – цуканов. Н.И. Второв отмечал: “Бывшие однодворцы в северо-западной половине губернии носят общее название талагаев или щекунов, по произношению большею частью из них *що* вместо *что*, принадлежащие же к разряду бывших экономических крестьян, наиболее поселенные по р. Форостани, в уездах Воронежском и Коротоякском, называются цуканями от цуканья, произношения буквы *ц* вместо *ч*” (1861: 266). Правда, “старые авторы” подробного сравнительного описания диалектных особенностей говора населения Воронежского края не оставили, а краеведы и этнографы конца XIX – начала XX в. смогли зафиксировать лишь немногие отличительные черты говора этих групп.

В говоре талагаев, как уже отмечалось, произошла замена звука *ч* на *щ*. По Д.К. Зеленину, для воронежских однодворцев было характерно произношение *що* вместо *что*, тогда как у прочих групп южнорусского населения преобладало произношение *што* (1913: 80). В качестве специфических особенностей талагайского говора указывается также отсутствие звука *ё* (берешь, а не берёшь), *уо* вместо *о* (куонь) (Там же: 101).

Ф.И. Поликарпов, сравнивая говор однодворцев и цуканов, пишет о том, что говор первых был более грубым, и выделяет его отличия: произносят *ще* вместо *что*; *кайо* в значении *где*; *каго*, а также мягкое *к* (1929: 12).

Что касается ягунов, то они не говорили *ще*, а также произносили в окончании родительного падежа единственного числа *-ого/-его* (звук *г*, а не *в*). За эту особенность представителей данной группы иногда называли *когоки* (Зеленин 1913: 108). Представительницы же женского пола даже именовались *ионками* (*ёнками*) от диалектной формы лично-указательного местоимения *он* – *ион* (Поликарпов 1929: 12).

Несомненно, главной особенностью говора цуканов являлось неразличение аффрикат: употребление свистящей твердой аффрикаты *ц* в соответствии с *ч* и *ц* (*/ц /ай/, /ц /удо* и т. п.) (цоканье). Правда, данная диалектная особенность уже в 1850-е годы была

присуща далеко не всем цуканам (*Второв* 1861: 266; 1886: 269), а к началу XX в., по мнению исследователей, произошло слияние говоров однодворческого и соседнего неоднородного населения. “Вполне возможно, – писал А. Путинцев, – что и цуканы, и талагаи некогда отличались и особенностями в говоре, как теперь отличаются особенностями в быте. Но в настоящее время по Хворостани и талагаи, и цуканы имеют один общий, сильно акающий говор” (1906: 95), “В местах соприкосновения (в Воронежском и Коротояжском уездах) говорят одинаково, – подчеркивал Ф.И. Поликарпов. – У теперешних талагаев и цуканов песни, как старые, так и новые – одних и тех же типов” (1927: 44).

Вместе с тем некоторые диалектные особенности говора цуканов исследователям начала XX в. все же удалось зафиксировать. Так, А. Путинцев, говоря об общности говора талагаев и цуканов, отмечает особенности цуканского произношения. Правда, речь идет не о цоканье, а о чоканье: (отець, блиньчи) (*Путинцев* 1906: 102). Д.К. Зеленин приводит устные сообщения И. Тесленко и Тростянского, которые отмечали в говоре цуканов ряда сел Воронежского и Коротояжского уездов новообразование в спряжении глаголов: *умываюццуть, ругаюццуть*, произношение *аны* вместо *они*, а также полное отсутствие у них звука *ц*: *ишию, ямишик*. Цоканья в говоре цуканов ими отмечено не было (*Зеленин* 1913: 100, 110). Опираясь на эти данные, Д.К. Зеленин предположил, что “цокала только первая группа позднейших переселенцев в Воронежскую губернию, которую сами жители, нынешние талагаи, и окрестили, справедливо, цуканами. Потом этот термин распространился и на всех прочих переселенцев, хотя они и не цокали” (*Он же* 1907: 16).

Народный костюм. В первые десятилетия XX в. начался процесс унификации народной одежды. Однако, по данным исследователей, женские костюмы местных цуканов и однодворцев существенно отличались друг от друга вплоть до начала XX в. (о чем свидетельствует также коллекция традиционных костюмов Воронежского областного краеведческого музея, где представлены некоторые варианты женского костюма – как однодворцев, так и цуканов, относящиеся ко второй половине XIX в.).

В середине XIX в., по свидетельству Н.И. Второва (в 1850-е годы он совершил ряд этнографических экспедиций в цуканские села), в качестве поясной одежды цуканки носили *глухую* поневу с прошвой. Чаще всего автором упоминается красного или кирпичного цвета клетчатая понева с синей прошвой из шерсти или домотканого хлопчатобумажного материала (*Второв* 1886: 271–293; ВОКМ. Инв. № 4325: 108). Девичьей одеждой был сарафан, который так же, как и поневу, надевали на рубаху (*Второв* 1886: 280; *Толкачева* 2002: 21–30).

Известно, что во второй половине XIX – начале XX в. в районах, где жили цуканы, женщины носили рубахи с прямыми поликами, пришитыми по основе ткани (*Русские* 1967: карта 47). Исследователи указывали на их отличие от рубах представителей других групп Воронежского края: «Цуканские рубахи имеют длинные и узкие рукава с рядом “гашек” на них и без брыжей» (*Путинцев* 1906: 96). Иногда рукава рубахи были длиннее кисти рук и собраны горизонтальными сборками по нижнему краю (*Второв* 1886: 288). По особенностям кроя эта рубаха похожа на рубаху, имевшую трапециевидные вставки, вследствие чего можно предположить появление рубах этого типа из более северных районов, где они были распространены (*Толкачева* 2002: 23).

В костюме цуканов середины XIX – начале XX в. отмечено бытование длинного туникообразного передника – *запана*, который шился из одного полотнища домотканого холста, перегнутого по утку. На месте сгиба делали вырез для головы, а по центру спинки – разрез. Вырез горловины и низ рукавов отделявали узкой обшивкой из цветной ленты или тесьмой с металлическими блестками (Там же: 25–26).

Примечательно, что у цуканок вплоть до начала XX столетия в качестве головного убора была распространена *кичка* с рогами, торчащими кверху. В отличие от большинства рогатых кичек (с рогами, обращенными назад), распространенных среди дру-

гих групп населения Воронежского края, эта форма кички – более древняя (*Чижилова* 1988: 191).

В селах Почепское и Тресоруково Коротоякского у. Воронежской губ. женский головной убор цуканов был известен под названием “збруга” (вторая половина XIX – начало XX в.). Он состоял из кички в виде чепца из ситца со вздержкой сзади и с твердой выгнутой пластиной с рожками спереди, *сороки* в форме шапочки из кашемира оранжевого или красного цветов, с полоской из золотного шитья, обшитого черной шелковой лентой с металлическими блестками, на верхних углах которой нашивались кисточки из черного гаруса и *позатыльни* в виде твердой пластины, украшенной золотным шитьем, тесьмой и розетками из узких лент. Боковые треугольные части позатыльни отделявали позументом, к ним прикрепляли украшения в виде картонных кругов, оплетенных шерстью и бисером (*Второв* 1886: 288–289; *Толкачева* 2002: 27–28).

В цуканских селах Давыдовка Коротоякского у. и Белый Колодезь Валуйского у. во второй половине XIX – начале XX в. бытовала *сорока*, позатыльник которой был украшен густой бахромой из шерстяного и шелкового шнура, обшитого бисером (*Толкачева* 2002: 28).

Безусловно, женский костюм цуканов вызывает особый интерес, ибо в нем вплоть до начала XX столетия сохранялись архаичные особенности, присущие костюму южнорусского населения.

Исследователи XIX – начала XX в. отмечали многообразие вариантов женского однодворческого костюма, поскольку в разных уездах Воронежской губ. прослеживалось бытование отдельных компонентов одежды, характерных только для данной местности. Так, для однодворческого костюма Бирюченского, Коротоякского и Острогожского уездов Воронежской губ. во второй половине XIX в. в качестве женской поясной одежды была характерна *глухая* черная или синяя *понева* с прошвой, расшитая многоцветной шерстью плотным ковровым узором (*Русские* 1967: карты 44, 45). Поневу надевали на рубаху. Рубахи были с прямыми поликами, пришитыми по утку, украшенные вышивкой черной или красной шерстью; поверх них надевали короткий холщовый передник, также расшитый черной шерстью (*Второв* 1886: 277; *Чижилова* 1988: 221).

Девичьей одеждой здесь был туникообразный сарафан с рубахой (*Второв* 1886: 277; *Чижилова* 1988: 221).

На голове местные женщины носили кичкообразный убор, состоявший из рогатой кички, позатыльника из мягкой ткани, облегающего голову сзади, сороки в форме маленькой шапочки на твердой основе с гребнем, прикрепляемой надо лбом (*Второв* 1886: 277; *Русские* 1967: карта 57). В качестве девичьего головного убора тут отмечен шелковый платок (*Второв* 1886: 277).

В Павловском у. Воронежской губ. женский однодворческий костюм второй половины XIX – начала XX в. имел ряд особенностей: *глухая* понева без прошвы, рубаха с прямыми поликами, пришитыми по утку, расшитая полихромным ковровым узором, передник туникообразный и на проймах (*Второв* 1886: 278, *Чижилова* 1988: 224; *Русские* 1967: карты 44, 47). Местные девушки носили глухой туникообразный сарафан, который надевали на рубаху (*Чижилова* 1988: 224).

Своеобразный платкообразный головной убор вплоть до начала XX в. сосуществовал с кокошником, у которого был высокий гребень с мягким позатыльником, обертывавшим голову, а также с кичкой и повойником (*Чижилова* 1988: 224).

В середине XIX – начале XX в. в Воронежском, Землянском, Задонском уездах женский однодворческий костюм состоял из полосатой юбки по типу *андарака* (встречавшегося в Прибалтике и Белоруссии), рубаха с большим отложным воротником, с прямыми поликами, пришитыми по основе ткани (рукава с большими оборками шириной до 20 см). В качестве нагрудной одежды бытовали *душегреи* и жилетки (*Русские* 1967: 48). На головах женщины этих уездов вплоть до начала XX в. носили

так называемый однодворческий кокошник (*Винников и др.* 2004: 93; Русские 1967: карта 54).

В середине XIX – начале XX в. у талагаев (щекунов) Нижнедевицкого у. Воронежской губ. существовали женская *глухая* понева без прошвы и косоклинный туникообразный сарафан в качестве девичьей одежды. Местные женщины и девушки носили особую рубаху с косыми поликами (*Второв* 1886: 273–274; *Чижикова* 1988: 222 Русские 1967: карты 44, 47). Их головной убор – кичкообразный (в его составе – кичка, мягкий позатыльник) (*Чижикова* 1988: 222–224; Русские 1967: 57, 58).

Для нижедевицких однодворцев – ионок (ягунов) – был характерен женский комплекс одежды с шерстяной юбкой из домотканого материала. По свидетельству Н.И. Второва, местные “женщины и девушки не отличаются друг от друга костюмами” (1886: 279). На голове женщины и девушки носили платкообразный убор с налобником и кичкой, украшенной перьями (*Чижикова* 1988: 225).

Поселения и жилище. К сожалению, сельские поселения и жилище Воронежского края XVII–XVIII вв. подробно не изучены и не описаны в этнографической литературе, поэтому в данном вопросе мы руководствуемся прежде всего информацией, полученной исследователями конца XIX – начала XX в.

Для однодворческих селений начала XX столетия характерно разнообразие планировок. Но все же можно выделить три их основных типа.

1). Радиальный тип, где улицы расходятся неправильными радиусами от центральной части селения. Эта планировка характерна преимущественно для однодворческих селений, возникновение которых связано с расселением вокруг укрепленных пунктов. Она упоминается в ряде сел Задонского и Землянского уездов Воронежской губ. (*Блоквист* 1934: 48). Своеобразием этого типа планировки являлось деление села на так называемые “сотни”. В одну сотню входили дома, образующие сектор между радиальными улицами. На окраинах сектора располагались избы и дворы, а в его середине – гумна и сады. Е.Э. Бломквист, проводившая этнографические исследования в ряде однодворческих сел Воронежского края в 1925 г., отмечала, что “сотни в однодворческих селениях имеют не только этнографическое значение, они играют роль при распределении надельной земли внутри сельской общины” (вся земля, имевшаяся в наделе села, делилась поровну между сотнями) (Там же: 62).

По всей видимости, такое своеобразное деление ряда однодворческих селений на сотни уходит своими корнями в то время, когда данная местность только начинала заселяться военно-служилыми людьми, в жизни которых сотенная организация имела немаловажное значение. Например, служилые люди Московского государства, коих в Воронежском крае оказалось немалое количество, имели сотенную организацию войска.

2). Беспланный тип характерен для селений, возникших самостоятельно в промежутках между укрепленными пунктами или под их прикрытием. Однодворческие селения такого типа упоминались исследователями наиболее часто; в них невозможно выявить какую бы то ни было четкую выдержанность плана. “Шут ее в решетке нес, да и растряс”, – смеялись жители таких селений (*Бломквист* 1934: 60).

Подобная форма была отмечена у селений однодворцев Нижнедевицкого, Воронежского, Коротоякского уездов Воронежской губ.: “постройки в селениях разбросаны безо всякого порядка” (*Зеленин* 1913: 61), “полное отсутствие плана в селениях” (Там же: 60; *Поликарпов* 1927: 21).

3). Линейный тип. Специфика его заключается в том, что селения имеют растянутую конфигурацию и состоят из нескольких параллельных улиц, пересеченных переулками (*Бломквист* 1934: 60). Такая планировка селений была распространена гораздо меньше двух предыдущих (этот тип отмечен в Воронежском у. Воронежской губ.) и была присуща однодворческим селениям, основанным позднее 20-х годов XVIII в., ибо в 1722 и 1727 гг. были изданы законы о строении крестьянских домов по чертежу: “Строить дворы по два вместе, а огороды, конопляники, иметь между двух дворов...”

а гумна строить им назади, против огородов, в немалом расстоянии от дворов” (к закону прилагались чертежи будущих селений) (Там же: 61).

Что касается селений цуканов, то для них был характерен именно линейный тип: “в цуканских же селах – улицы и переулки прямые” (*Зеленин* 1913: 62). Это вполне объяснимо, ведь данные селения не носили характера военной застройки, ибо появились в то время, когда военная опасность в Воронежском крае уже миновала.

Специфическими особенностями цуканских сел некоторые исследователи называли также “однообразие и скученность селений”, так как во многих усадьбах насчитывалось “по два двора гнездами” (*Поликарпов* 1927: 25). Здесь налицо выполнение законов 1722 и 1727 гг., обязывавших в том числе строить по два двора вместе. Исследователями отмечено расположение цуканских селений в один или два порядка (редко – в три). При одностороннем порядке по одну сторону улицы находились избы с примыкающими дворами, за ними – гумна с ригами, а по другую сторону напротив домов стояли пуньки и амбары. Если порядок двусторонний, то в обратной последовательности по другую сторону улицы располагались все строения: ряд амбаров и пунек, дорога, на другой ее стороне ряд изб и за ними гумна с ригами (*Бломквист* 1934: 64).

В начале XX в., по мнению Д.К. Зеленина, на территории Воронежского края по большей части господствовал однодворческий тип жилища с характерными для него особенностями, но в некоторых местах все же прослеживались отличительные черты, присущие жилищу цуканов (1913: 61).

Интересным является вопрос о внешнем виде однодворческой усадьбы XVII в., тип которой попытался восстановить Е.Э. Бломквист. По ее мнению, “характерная усадьба однодворцев XVIII в. представляла собою огороженный двор, в нем изба, клеть, конюшня, хлев, амбар и другие хозяйственные постройки” (*Бломквист* 1934: 52). Усадьба была окружена “городьбой тыном”, а также упоминается ограда иного типа – “жердями” (Там же). Этот тип крестьянской усадьбы Е.Э. Бломквист называет “дворы–крепости” (Там же: 53). В чистом виде такой тип усадьбы сохранялся вплоть до середины XIX в. (Там же: 59). По наблюдению автора, такие усадьбы встречались в старых однодворческих постройках даже в 20-е годы XX в. Правда, ограда здесь уже не тыновая, а чаще всего – из камня-известняка, да и жилая изба стояла, хотя и в глубине двора, но не составляла собой часть ограды (Там же: 54–59).

Обычно двор–крепость представлял собой четырехугольный замкнутый круг с четырехугольным же непокрытым пространством посередине. В глубине двора у одной из стен помещалась изба, обращенная окнами внутрь двора. Стена, окружавшая двор, являлась в то же время наружной стеной для хозяйственных надворных строений, причем двор объединял все хозяйственные постройки, кроме риги (Там же: 53–54).

С улицы во двор вели прочные деревянные ворота в глубокой нише каменной стены, покрытые общей со стеной соломенной крышей. Все “поместье” (по мнению Е.Э. Бломквист, именно этот термин употреблялся в однодворческих селах Воронежского края начала XX в. по отношению к усадьбе), окруженное массивными каменными стенами, “приобретает вид крепости, а улица, состоящая из ряда таких дворов, напоминает нам настоящую крепостную стену” (Там же: 55).

Женщины-однодворки причину такого строительства объясняли так: “що бы ратишки чяго ня выкинули на улицу” (*Зеленин* 1913: 62). Но, по всей видимости, такой порядок мог установиться в результате многовековой жизни на сторожевой линии, в постоянном ожидании вражеских нападений, тем более что в начале XX в. усадьбы типа “двор–крепость” встречались в основном в тех районах Воронежского края, “которые дольше остальных находились в условиях военной обстановки, а именно в уездах Задонском, Землянском, и северной части Нижнедевицкого уезда” (*Бломквист* 1934: 57).

Усадьбы цуканов сильно отличались от однодворческих. Ф.И. Поликарпов отмечал, что по закону “О плане селений” (1819 г.), дома фасадной стороной должны были

быть обращены на улицу. По наблюдению автора, цуканы “внимательнее выполняют закон, их дома обращены окнами на улицу” (Поликарпов 1927: 21).

В отличие от однодворческих селений у цуканов хозяйственные постройки даже не объединялись двором, не являлись надворными, а переносились напротив дома (Зеленин 1913: 62, 64; Бломквист 1934: 64).

По внутренней планировке жилище однодворцев и цуканов уже к середине XIX в. не имело существенных отличий. Ф.И. Поликарпов приводит сведения участника этнографической экспедиции в цуканские и однодворческие села Коротоякского и Нижнедевицкого уездов Воронежской губ. (1849 г.) П.Я. Глотова: “внутренне устройство избы почти везде одинаково” (Поликарпов 1927: 21).

По мнению Л.Н. Чижиковой, в жилище воронежских цуканов и однодворцев “отмечена юго-восточная планировка жилого помещения”, известная на юго-востоке южнорусской территории (Чижикова 1988: 34).

В случае если изба была расположена параллельно улице, вход в сенцы был с улицы (или со двора, если изба расположена в глубине двора). Из сенец, обычно налево, находился вход в избу. В избе левый ближний от двери угол – *передний* (святой угол), где помещались божница и образа (Зеленин 1913: 63; Бломквист 1956: 220). В дальнем правом углу, наискось от переднего, стояла печь, устьем обращенная к входной двери (Бломквист 1956: 221).

На полу, вокруг стен располагались неподвижные лавки: от двери к переднему углу – *коник* (род ларя с откидной крышкой для хранения припасов). От переднего угла вдоль фасадной стены помещалась долгая лавка, между фасадной стеной и боковой частью печи настилали широкий помост для спанья – *пол* или *примост* (от полу-метра до метра высотой). Зимой под ним держали поросят, кур и т.д. (Малыхин 1861: 275; Бломквист 1956: 221).

Над полом на высоте человеческого роста устраивали *полати*, сбоку у печи небольшая лавочка – приступок. С нее поднимались на печь, держась рукой за *задоргу* (деревянная жердь, вмазанная в свободное горизонтальное продольное ребро печи), а с печи – на полати, где спали, сушили лен, пеньку (Бломквист 1956: 221).

От печки к стене с дверью, под *судним* окном, была устроена *судница* – лавка – шкафчик с волоковой дверкой, нередко это была просто *судняя лавка*. Но чаще всего делали длинные полки – *полицы*: одну на стене, прилегающей к сенцам, над дверью (на нее клали шапки, рукавицы); другую – от печи к той же стене, над судним окном, на ней держали кухонную посуду и испеченный хлеб (Там же).

Анализируя рассматриваемый материал, мы пришли к выводу, что в формировании отдельных групп русских на изучаемой территории, помимо служилых людей, экономических и помещичьих крестьян, переселенных из других мест, принимали участие и потомки домонгольского славянского населения Среднего Подонья, уцелевшего во время татарских набегов. Возможно, именно поэтому в Воронежском крае был совсем иной антропологический тип населения, нежели в центральных губерниях, хотя заселение степи осуществлялось в значительной степени и выходцами из центральных областей Московского государства. В своих предположениях мы опираемся, в том числе на утверждения исследователей XX в., занимавшихся изучением данной проблемы. Как мы знаем, Д.К. Зеленин отмечал наличие в культуре талагаев (щекунов) “степное” влияние. По мнению автора, это связано с тем, что их предками были по большей части “приборные” военно-служилые люди, “по сути – потомки аборигенов края – степняков” (Зеленин 1913: 97). К подобному выводу в 50-е годы XX в. пришла и Н.И. Лебедева, с точки зрения которой “щекуны являются остатками древнего славянского населения Дона, позднее смешавшегося с однодворцами или переведенного в разряд служилых людей” (Лебедева 1960: 265). В доказательство этому автор приводит материалы собственных полевых исследований, из которых следует, что у щекунов Нижнедевицкого уезда прослеживаются реликты местной домонгольской одежды и обуви (Там же).

Важность момента заключается в том, что Воронежский край в большинстве своем заселялся служилыми низшего разряда – “приборными людьми” (Зеленин 1913: 48, 113). По мнению исследователей, во время запустения степи происходил отлив местного домонгольского славянского населения (именуемого некоторыми исследователями “степняками” (Д.К. Зеленин, Н.П. Гринкова)), на север (в район Оки) и запад (на территорию Польши и Литвы) (Зеленин 1913: 48; Гринкова 1947: 26–27). Д.К. Зеленин, проанализировав царские грамоты конца XVII в., отмечал, что на городскую службу в “приборный разряд” принимались, прежде всего, “вольные люди”. Эта категория населения состояла из отпущенников, выходцев из-за рубежа, тяглых людей, не внесенных в официальные описи. Среди них, по всей видимости, было много тех самых степняков, которые, попав на чужбину, оказались не у дел: “Двинувшиеся на север степняки группировались здесь около р. Оки. Здесь и прежде их прихода было довольно многолюдное население... на степняков смотрели, конечно, косо, как на занявших чужие места. Главное же, степняки были всецело выбиты из своей социальной колеи: тяглые не могли тянуть тягла, так как теперь, на новом месте, в сущности не имели своей земли” (Зеленин 1913: 47). В подобном положении оказались и степняки, переселившиеся на запад (на территорию Польши и Литвы). И теперь они возвращались в родную степь в качестве военно-служилых людей, ведь “среди выбитых из колеи переселенцев степняков царские бичи, кликавшие вольных людей на государеву службу в степи, должны были находить себе особенно богатую жатву. Кому, так именно степнякам, было совершенно не страшно идти на степную службу: степь была этим людям родиной” (Там же: 47).

Таким образом, есть основание предполагать, на степную окраину Московского государства поступали, если не главным образом, то в значительном количестве – потомки домонгольского славянского населения Среднего Подонья.

Но наиболее загадочной, на наш взгляд, была и остается группа цуканов Воронежского края.

Известно, что большая часть цуканов являлась помещичьими крестьянами, поэтому в этнографической литературе возобладало мнение считать их переселенцами, переведенными помещиками в свои имения из других губерний России. Но, по убеждению Н.И. Лебедевой, “расположение поселений цуканов широким массивом, безусловно, говорит о том, что дело здесь не в помещичьих переселенцах” (Лебедева 1960: 259). Вполне возможно, что на месте этих поселений, “в глухих местах, в стороне от татарских шляхов, сохранялись остатки древнего населения” (Там же: 260).

Примечательно, что в женском костюме цуканов вплоть до начала XX в. сохранялись архаичные южнорусские особенности: красная понева с прошвой, рубаха с прямыми поликами, пришитыми по основе, рогатые кички, длинные передники–“запоны” (Путинцев 1906: 102, Лебедева и др. 1967: 215, Чижикова 1988: 191). По мнению Н.И. Лебедевой, “отдельные очаги бытования красных и черных понев говорят об очень древних группах, вошедших в состав южнорусского населения” (Лебедева, Маслова 1967: 215).

Нам представляется, что наличие в цуканских головных уборах – сороках *позатыльни* с бахромой, обилие бисерных подвесок, украшений в виде лент, шерстяных кистей и “пушков” (что по мнению некоторых исследователей, сближает их с головными уборами финно-угорского населения) (Толкачева 2002: 31) говорит о том, что цуканы – группа населения значительно более древняя, чем однодворческая. По мнению В.И. Дынина, также есть вероятность, что “цуканы являются потомками наиболее древних славянских переселенцев, раньше других вступивших в контакт с финно-угорскими племенами среднего Дона” (Дынин 1999: 39).

Наибольший интерес вызывает говор цуканов. *Цоканье* – диалектная черта, не свойственная южнорусским говорам. Известно, что цоканье широко представлено в пределах юго-восточного массива среднерусских говоров, охватывающего Владимирскую, Рязанскую, Нижегородскую области. Языковеды связывают распространение

цоканья в этом регионе с влиянием на славянскую речь языка древней мешеры – финно-угорского народа, родственного мордве, который был полностью славянизирован к началу II тысячелетия (Дынин 1998: 186).

По данным диалектологии, и в более северных русских говорах (у населения Архангельской, Вологодской, Новгородской губерний) встречающееся цоканье является остатком говоров дославянского населения бывших “бродячих охотников и рыболовов” (финно-угров) Восточной Европы, которое вошло в севернорусское наречие. (Аванесов 1955: 23). Среднее Подонье, где отмечены цуканы, как будто не являлось областью распространения финно-угорских языков и проживания финно-угорских этносов, следовательно, эта связь требует объяснения.

По мнению В.И. Дынина, “цокающий говор не мог быть занесен в среднее Подонье из Поочья и Окско-Клязьминского междуречья русскими переселенцами”, так как ареал распространения цокающих говоров гораздо северо-восточнее тех районов, из которых происходило заселение воронежского края (Дынин 1998: 186).

Можно предположить, таким образом, что цоканье в южнорусских говорах является результатом языковых контактов славянского и финно-угорского населения лесостепного Подонья в домонгольский период.

Археологические данные действительно свидетельствуют о распространении в VIII–X вв. в лесостепном Подонье так называемой *боршевской культуры*, с которой связана особая группировка восточных славян – *донские славяне*. Этот материал указывает на определенный синтез культуры донских славян – *боршевцев* с элементами культуры финно-угорских народов (мордвы). Так, на поселениях славян-боршевцев археологами были обнаружены финно-угорская керамика и посуда (Винников 1995: 78). По данным А.Н. Москаленко, между славянами и мордвой было тесное общение, которое часто заканчивалось браками (Москаленко 1965: 160).

Исходя из вышесказанного, позволим себе предположить, что предки воронежских цуканов являлись прямыми потомками славян – *боршевцев*, которые, вполне возможно, пережили здесь монгольский период, сохранив при этом архаичные черты культуры (включая особенности своего говора) как следствие древних контактов с финно-уграми. Вполне возможно, что именно они основали в Воронежском крае те самые монастыри (Троицкий, Боршевский, Троицкий Лысогорский, Покровский), появление которых в данной местности пока не нашло своего объяснения в науке. Является ли данное заключение верным, покажут дальнейшие исследования. Но в том, что корни группы цуканов таятся в глубокой древности, по нашему мнению, нет сомнений.

Источники и литература

- Аванесов 1955 – Аванесов Р.И. Проблема образования языка великорусской народности // Вопросы языкознания. 1955. № 5. С. 13–25.
- АУНЛ ЭЦЧОР ВГУ 5 – Архив учебно-научной лаборатории “Этнография центрально-черноземных областей России” Воронежского гос. ун-та (далее – ВГУ). Д. 5. Полевые материалы экспедиции в Каширский р-н Воронежской обл., лето 1999 г. (Информант – А.И. Фетисова, 1915 г.р.).
- Бломквист 1934 – Бломквист Е.Э. Материалы по истории жилища придонских районов Воронежской области // Сов. этнография. 1934. № 5. С. 48–72.
- Бломквист 1956 – Бломквист Е.Э. Крестьянские постройки русских, украинцев и белорусов // Восточнославянский этнографический сборник / Отв. ред. С.А. Токарев. М.: Изд-во Академии Наук СССР, 1956. (Тр. Ин-та этнографии АН СССР. Т. 31.) С. 258–266.
- Болховитинов 1800 – Болховитинов Е.А. Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии. Воронеж: Типография губернского правления, 1800.
- Вейнберг 1891 – Вейнберг Л.Б. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний. Воронежские писцовые книги. Воронеж: Изд. Воронежского губернского статистического комитета. Типо-литография губернского правления, 1891.
- Винников 1995 – Винников А.З. Славяне лесостепного Дона в раннем средневековье (VIII – начало XI вв.). Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1995.

- Винников и др. 2004 – Винников А.З., Дынин В.И., Толкачева С.П. Локально-этнические группы в составе южнорусского населения Воронежского края // Вестник ВГУ. 2004. № 2. С. 87–96.
- ВОКМ Инв. № 4325 – Воронежский областной краеведческий музей. Инв. № 4325. Второв Н. Приложение к этнографическому альбому и этнографической карте Воронежской губернии. Рукопись.
- Второв 1861 – Второв Н.И. О заселении Воронежской губернии // Воронежская беседа. Воронеж: Издательство М. Де-Пуле и П. Глотова, 1861. С. 260–266.
- Второв 1886 – Второв Н.И. Исторический очерк постепенного заселения Воронежского края // Воронежский юбилейный сб. Т. 2. Воронеж: Издание Воронежского губернского статистического комитета. Типо-литография губернского правления, 1886. С. 260–293.
- Гринкова 1947 – Гринкова Н.П. Воронежские диалекты: докторская диссертация. Л.: Лен. гос. пед. ин-т им. А.И. Герцена, 1947. (Уч. зап. ЛГПИ им. А.И. Герцена. Т. 55.)
- Даль 1881 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 2. И-О. СПб.; М.: Издание М.О. Вольфа, 1881.
- Даль 1882 – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 4. Р-В. СПб.; М.: Издание М.О. Вольфа, 1882.
- Дружинин 1946 – Дружинин Н.М. Государственные крестьяне и реформа П.Д. Киселева. М.; Л.: Академиздат, 1946.
- Дынин 1998 – Дынин В.И. О происхождении одной субэтнической группы южнорусского населения // Исторические записки / Отв. ред. А.З. Винников. Вып. 3. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та, 1998. С. 185–194.
- Дынин 1999 – Дынин В.И. Когда рассветает папоротник... Народные верования и обряды южнорусского крестьянства XIX–XX веков. Воронеж: Воронежский ун-т, 1999.
- Загоровский 1991 – Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж, 1991.
- Зеленин 1913 – Зеленин Д.К. Великорусские говоры с неорганическим и непереходным смягчением задненебных согласных, в связи с течениями позднейшей великорусской колонизации. СПб.: Типография А.В. Орлова, 1913.
- Зеленин 1907 – Зеленин Д.К. Талагаи и цуканы // Памятная книжка Воронежской губернии на 1907 год. Воронеж: Типо-литография губернского правления, 1907. С. 1–21.
- Лебедева 1960 – Лебедева Н.И. Этнографическая характеристика отдельных групп русского населения Орловской, Курской и Липецкой областей // Матер. и исслед. по этнографии русского населения Европейской части СССР / Гл. ред. С.П. Толстов. М.: АН СССР, 1960. (ТИЭ АН СССР. Т. 57.) С. 258–266.
- Лебедева, Маслова 1967 – Лебедева Н.И., Маслова Г.С. Русская крестьянская одежда XIX – нач. XX века // Русские: историко-этнографический атлас. М.: Наука, 1967.
- Малыхин 1861 – Малыхин П. Город Нижнедевицк и его уезд. Воронежский литературный сб. Вып. 1. Воронеж: Типография В. Гольдштейна, 1861. С. 265–321.
- Москаленко 1965 – Москаленко А.Н. Городище Титчиха. Из истории древнерусских поселений на Дону. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1965.
- ПМА – Полевые материалы автора. Экспедиция в Каширский р-н Воронежской обл., 2008 г. Село Коломенское (Информанты: М.Д. Бережнова, 1939 г. р., А.И. Калинина, 1946 г. р., Е.С. Долгушина, 1940 г. р.)
- Поликарпов 1899 – Поликарпов Н. Из истории заселения Коротоякского края в 17-м столетии (1613–1705 гг.) // Памятная книжка Воронежской губернии на 1899 г. Воронеж: Типо-литография губернского правления 1899. С. 14–34.
- Поликарпов 1906 – Поликарпов Ф. Из жизни крестьян с. Истобного Нижнедевицкого уезда Воронежской губернии // Памятная книжка Воронежской губернии на 1906г. Воронеж: Типо-литография губернского правления, 1906. С. 1–30.
- Поликарпов 1913 – Поликарпов Ф.И. Материалы для изучения южновеликорусских говоров: Нижнедевицкий словарь. Воронеж: Типография товарищества Н. Кравцов и К, 1913.
- Поликарпов 1927 – Народный быт: Материалы и исследования по этнографии Воронежского края / Под ред. Ф.И. Поликарпова. Вып. 1. Воронеж, 1927.
- Поликарпов 1929 – Поликарпов Ф.И. Этнографический состав населения // По нашему краю: очерки по природе, быту, хозяйству и культуре Воронежского и Острогожского округов центральной-черноземной области. Воронеж: Изд-во “Коммуна”, 1929. С. 11–29.
- Путинцев 1906 – Путинцев А. О говоре в местности “Хворостань” Воронежской губернии // Живая старина. Вып. 1. СПб., 1906. С. 94–101.

- Русские 1967 – Русские: историко-этнографический атлас. Земледелие. Крестьянское жилище. Крестьянская одежда. Середина XIX – начало XX в. Карты. М.: Наука, 1967.
- Толкачева 2002 – Толкачева С.П. Особенности традиционного костюма локальной этнической группы цуканов Воронежской губернии (середина XIX – начало XX века) // Этнография Центрального Черноземья России: Сб. науч. тр. / Отв. ред. А.З. Винников. Вып. 2. Воронеж: “Истоки”, 2002. С. 21–31.
- Чижикова 1988 – Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье: История и судьбы традиционного-бытовой культуры. М.: Наука, 1988.

O.Y. Titova. Toward the Problem of Forming Groups of Russians in the Voronezh Region

Keywords: historical ethnography, population of Southern Russia, Voronezh region, groups of Russians, local context, ethnic-cultural specificity

The Russian people, making up the largest population in the present-day Slavic world, has come a long historical way. Its characteristic feature has been the development of the East European Plain in the course of continuous migrations that led to the formation of separate groups of Russians. The article discusses groups of Russians in the Voronezh region, drawing attention to their cultural specificities, way of life, and formation history.

ЭО, 2010 г., № 2

© В.И. Вишневская, М.Л. Бутовская

ФЕНОМЕН ШКОЛЬНОЙ ТРАВЛИ: АГРЕССОРЫ И ЖЕРТВЫ В РОССИЙСКОЙ ШКОЛЕ*

Ключевые слова: травля в школе, агрессивное поведение, гендерные различия, типы школьной травли, агрессор, жертва, социальный статус

Тема травли и издевательства в школьной среде последние десятилетия активно дискутируется в зарубежных работах, посвященных взаимоотношению между школьниками (*Olweus* 1978; *Menesini et al.* 1997; *Andreou* 2000; *Terranova* 2008). Ведущий норвежский исследователь Д. Ольвеус определяет травлю как комплекс агрессивных действий, для которых характерны повторяемость и асимметрия в силе между агрессором и жертвой, а также отсутствие реальной провокации со стороны жертвы (*Olweus* 1978, 2001). С таким определением в настоящее время согласно большинство специалистов, и мы также будем придерживаться его в наших исследованиях. Вместе с тем данная проблема до последнего времени практически не находила отражения в отечественных научных исследованиях и средствах массовой информации. Исключение составляет работа И.С. Кона “Что такое буллинг и как с ним бороться”, в которой автор одним из первых показал актуальность данной проблемы в России и всесторонне проанализировал ее (*Кон* 2006).

Вера Ивановна Вишневская – аспирант Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: vera-vishnevskaya@rambler.ru

Марина Львовна Бутовская – профессор, доктор исторических наук, заведующая сектором кросскультурной психологии и этологии человека Института этнологии и антропологии РАН; e-mail: m.butovskaya@rambler.ru

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (грант № 07-06-000078а) и правительства Москвы (грант “Москва многонациональная: формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия”).